

ЛЕОНИД СУРИН

О СМЕЛЫХ И НАХОДЧИВЫХ. Невыдуманные рассказы
Южно-Уральское книжное издательство, 1967.

Надпись на книге рукой Л.Н.Сурина: «Памяти героев Гражданской войны, многих из которых знал лично, посвятил я эту книгу. 3 сентября 1985 года, г. Юрюзаны».

НЕ ЧИСЛОМ, А УМЕНИЕМ

Командир красноармейского отряда собрал своих бойцов по тревоге. Недавно организовался отряд, и не было у красногвардейцев оружия. Только у некоторых за спиной висели на ремне охотничьи берданки, да у самого командира болтался сбоку в кобуре старенький револьвер.

Оглядел командир своих красногвардейцев. Стояли перед ним и пожилые, много повидавшие на своем веку рабочие, и совсем молоденькие парнишки. Немного их было, человек двадцать всего, а может быть, и того меньше. И в боях из них никто еще не бывал.

Стояли все перед командиром, молча смотрели на него. И каждый думал: «Зачем нас так спешно командир собрал?»

- Буду краток, товарищи. Времени – в обрез, - сказал командир. – Есть у нас революционный отряд Красной гвардии, но нет оружия. А без винтовок, сами понимаете, отряд – не отряд. Много не навоюешь. Придется нам оружие добывать. Сейчас получено сообщение: идет от станции Запрудовки к Белорецку по узкоколейке воинский эшелон. А в том эшелоне – солдаты-фронтовики. Есть у солдат с собой и винтовки, и пулеметы. Вот это оружие надо нам у них отобрать.

- Так ведь не отдадут солдаты оружие, - заметил один из красногвардейцев.

- Верно, - согласился командир. – По доброй воле не отдадут. Уже провали наши соседи на Запрудовке разоружить этот эшелон. Ничего не вышло.

Прищурил хитровато глаза командир, оглядел еще раз своих бойцов и сказал так, словно речь шла о деле самом простом и обыкновенном:

- А все же отобрать оружие у солдат надо. Разъедутся они с винтовками по домам. Кто – в Верхнеуральск, кто – в казачьи станицы. Попадет их оружие к атаману Дутову и будет направлено против нас. В лепешку расшибемся, а оружие это отберем. Добром не захотят – отдать заставим.

Почесали в затылке красногвардейцы. Покачал головой один из них, сказал с сомнением:

- Как же ты их заставишь, Александр Михайлович? Уж не этой ли пушкой страх наведешь? – И свою охотничью берданку по прикладу похлопал.

Улыбнулся командир, правый глаз еще хитрее прищурил.

- «Воюют не числом, а умением» - так старик Суворов говорил. Нам оружие не понадобится. Мы тех солдат хитростью одолеем. Слушай мою команду! За станцию по линии шагом марш!

Ярко светило солнце над узкоколейкой. Тоненькими ниточками уходили вдаль рельсы. Весело пыхтел, отдувался паром маленький паровозик «кукушка», а за ним качались, стучали на рельсах вагоны. Из каждой двери – серые шинели. Полным-полно набилось солдат. Человек двести – не меньше. И у каждого солдата – винтовка. Едут солдаты, на родину торопятся, вслушиваются нетерпеливо, как стучат, словно выговаривают вагонные колеса:

- До-мой, до-мой, до-мой!

И вдруг перестали стучать колеса. Перестали качаться из стороны в сторону вагоны. Замерло все. Остановка!

Выглянули солдаты из дверей, удивились. До станции – далеко. По обе стороны вагонов не крыши домов, а сосны стоят, березки стволами белеют. А впереди, почти у самого паровоза, стоит какой-то человек в кожаной тужурке и красный флажок в руке держит.

Повыскакивали солдаты из вагонов, стали засыпать друг друга вопросами:

- Что случилось, ребята?

- Рельса лопнула, что ли?

- Да нет, не рельса, другое что-то!

- Что же дальше не едем?

- Айда к паровозу! Узнаем, что там стряслось!

- Винтовки берите!

Подбежали солдаты к паровозу. Смотрят – рельсы целы. А человек в кожаной тужурке стоит спокойно, посмеивается будто.

Зашумели все, загалдели:

- Что такое? Зачем поезд остановил?

- Тише, товарищи! Тише! – поднял руку незнакомец в кожанке. – Я командир красногвардейского отряда. А зачем поезд остановил – сейчас узнаете.

Затих беспокойный гомон над солдатской толпой. Ждут солдаты, что им скажет незнакомый человек.

- Товарищи, - сказал командир. – Вы все с германского фронта по домам едете. Винтовки вам не нужны, а нашему отряду пригодятся. Сдайте нам оружие.

- Ишь чего захотел, - зашумели солдаты. – Нам и самим винтовки пригодятся. Будем на охоту ходить. Да и время нынче тревожное. Без оружия нельзя.

- Товарищи! – крикнул командир. – Ваше оружие может попасть в руки врагов народной власти. Предлагаю сдать винтовки.

Выступил вперед из толпы солдат. Лицо в морщинах, в усах седина. Сразу видно – не один год по окопам мыкался.

- Не шуми! – строго сказал он командиру. – До наших винтовок охотников уже много было. Только зря стараешься. Оружия мы не сдадим. Вот приедем домой, разберемся что к чему, и тогда эти винтовки нам могут ой как понадобиться.

- Да ведь у вас же не только винтовки, у вас, наверное, и пулеметы есть, – заметил командир красногвардейского отряда.

- Есть и пулеметы. Четыре штуки.

- Пулеметы-то вам зачем?

- Как зачем?! Мужику в хозяйстве все сгодится. Кинем жребий, раздадим своим ребятам. Пулеметы – тоже добро. Не зря же мы их с самого фронта везем.

- Ну, вот что! – сказал вдруг командир совсем другим голосом, и улыбка пропала с его лица, словно и не было ее вовсе. – Думал я договориться с вами по-доброму, по-хорошему. Вижу теперь – пустая затея. Приказываю сдать пулеметы!

- А вот этого не хочешь?! – вскипел один из солдат и командиру к лицу кукиш сунул. – Вот тебе, а не пулемет! Скидывай его с насыпи, ребята! Домой душа рвется, а он с нами шутки шутить вздумал!

Замелькали в воздухе кулаки, затворы винтовочные защелками. Другой бы струсил. А красногвардейский командир стоял спокойно посреди этой бушующей толпы и только руку над головой поднял:

- Тише, граждане солдаты, тише! Не на базаре мы! Чего орете? НЕ желаете отдавать пулеметы – дело ваше. Но предупреждаю: впереди под линией заложен динамит. Путь минирован. Не отдадите пулеметы – взорву узкоколейку к чертовой матери. Топайте тогда по домам пешочком!

- Ах ты, дьявол! Да мы тебя сейчас убьем!

- Убивайте! Услышат мои ребята выстрел – все равно дорогу взорвут.

Обернулся командир, взмахнул красным флажком над головой, и увидели солдаты, что на соседнем бугорке тоже кто-то в ответ красным машет. Отошли они в сторонку, стали совещаться. Спорили между собой, ругались. А командир стоял как ни в чем не бывало перед паровозом и спокойно сигарку скручивал.

Поспорили солдаты, посоветовались, вернулись к паровозу. Подошел к командиру тот седоусый солдат, что вроде за главного в эшелоне был, прикурил от его сигарки и совсем другим, мирным голосом спросил:

- Слышь-ка ты, командир, не знаю, как тебя звать-величать. Если мы тебе пулеметы отдадим, пропустишь наш эшелон?

- Пулеметы отдадите – пропущу беспрепятственно. Какой может быть разговор?

- Ну, черт с тобой, бери пулеметы. Нам бы скорее до дому добраться. Вся душа истосковалась.

Выкатили солдаты из вагонов четыре пулемета на колесиках и коробки с пулеметными лентами под насыпь выкинули.

Улыбнулся командир, повеселел.

- Вот это другой разговор, - сказал. – Теперь можете ехать. Счастливого пути!

И два раза флажком в сторону бугорка махнул. Знак своим товарищам дал, чтобы поезд пропустили беспрепятственно.

Тоненько загудел паровозик, откликнулось ему лесное эхо. Поскакали солдаты в вагоны. Лязгнул буферами эшелон, застучали колеса сначала редко-редко, потом все чаще. Но пока не миновали пригорок, поглядывали солдаты из вагонов с опаской. Шут его знает! Динамит где-то тут заложен. Рванет, бабахнет – костей не соберешь.

А командир красногвардейского отряда собрал тем временем своих довольных повеселевших бойцов, поглядел вслед уходящему поезду и распорядился:

- Ну вот, товарищи. Пулеметы у нас уже есть. Но красногвардеец без винтовки – не красногвардеец. Надо нам у этих солдат теперь и винтовки отобрать.

Удивились красногвардейцы. Поглядели туда, куда смотрел их командир, - только тормозную площадку последнего вагона увидели.

Долетел издали свисток паровоза – и эта площадка исчезла за поворотом. Подумали тогда красногвардейцы, что шутит их командир, и засмеялись. А командир повторил серьезно:

- Надо и винтовки отобрать. Теперь это уже будет легче сделать.

Удивились тогда красногвардейцы еще больше, взглянули на командира озадаченно.

- Уехали наши винтовочки, - сказал один из красногвардейцев. – Эшелон-то уже – тю-тю, скрылся.

- А мы его прямиком по тропинке догоним, - сказал командир.

Ничего больше не добавил он к этим словам, но сразу поняли все своего командира. Поняли и заулыбались.

Петляет узкоколейка по горам и долам, вьется по выемкам и откосам. Идет по этим извилинам узкоколейный поезд медленно. Верст шесть-восемь в час – не больше. Если идти по тропинке напрямую через лес, то версты не пройдешь – и снова на узкоколейку выйдешь. Если захотеть – можно к тому месту раньше эшелона с солдатами поспеть.

- Ну, если поняли меня, - сказал командир, - то мешкать нечего. Пулеметы берите – и по тропинке за мной!

Схватили красногвардейцы пулеметы. Одни – «максимы» по тропинке везут, другие – ленты пулеметные в коробках тащат. Нашлись такие, кто в армии служил. Для них это не в новинку. Хлещут красногвардейцев ветки по лицу, сучья за одежду цепляются. И каждый красногвардеец думает: «Только бы успеть вовремя!»

И десяти минут не прошло – поредел лес. Опять вынырнула из-за сосновых стволов насыпь железной дороги и заблестела на солнце узкая

рельсовая колея. Пустынно было вокруг. Но только успели установить пулеметы на взгорке у опушки леса – тут и поезд подошел.

Встал командир поперек пути, ноги широко расставил и флажок красный над головой поднял. Остановился поезд, выпустил белый пар паровоз, машинист на землю спрыгнул. Повыскакивали из вагонов и солдаты.

Смотрят вперед – и глазам своим не верят. Стоит на рельсах тот самый командир в кожаной тужурке, со звездой на фуражке и в руках кисет держит. Свернул из клочка бумаги папиросу, насыпал из кисета табаку и закурил. Курит – дым колечками пускает.

Удивились солдаты.

- Как ты сюда попал? Нечистая сила тебя принесла, что ли?

- А я напрямик по тропинке через лес, - пояснил командир и рукой на тропинку показал даже.

- А зачем пожаловал?

- Пожаловал я за вашими винтовочками, граждане солдаты. Предлагаю винтовки сдать.

- Ты что?! – оторопели солдаты. – Мы же тебе только что пулеметы отдали.

- А нам не только пулеметы, нам и винтовки нужны.

- Проваливай! Никаких винтовок ты не получишь!

- Ну, это как сказать» - засмеялся командир и хитровато прищурился.

- Что, опять под линию динамит заложил? Опять грозить будешь, что дорогу взорвешь?

Еще веселее засмеялся командир. На солдат посматривает, улыбкой белозубой сверкает.

- Нет, - говорит. – Линию взрывать не собираюсь. Нету у меня динамиту, дурни вы этикие.

- Как нет?

- А вот так и нет. Нет и не было. Но вон на той горке стоят ваши пулеметы. Не сдадите добром винтовки – открываю по эшелону огонь.

Обернулся назад командир, рукой махнул и своим красногвардейцам крикнул:

- Ну-ка, ребятки, дайте солдатикам огонька прикурить!

- Есть дать огонька прикурить! – весело донеслось в ответ.

И над вагонными крышами, взрывая сонную лесную тишину, бойкой скороговоркой прострочил пулемет, и пули срезали сосновые ветки.

- Ах ты, дьявол. Перехитрил!

Ругаясь на чем свет стоит, поминая и господу бога, и богородицу, и всех святых, солдаты стали нехотя складывать рядом с насыпью винтовки.

*****

БАРЖА СМЕРТИ

Случилось это глубокой осенью восемнадцатого года на реке Каме. Тревожным и смутным было тогда время на Урале. То тут, то там вспыхивали против молодой Советской власти кулацкие восстания, поднимали голову недобитые белогвардейцы.

Старинный портовый город Сарапул был в руках красных. А совсем неподалеку, в каких-нибудь двадцати-тридцати верстах к северу, села и деревни заняли белые.

Белогвардейские бандиты не щадили никого – ни старого, ни малого. Они хватали крестьян, пороли их нагайками и шомполами, бросали в тюрьмы. Угодили в тюрьму и братья Петровы. Старший – Федор был коммунистом. Младшему – Григорию едва исполнилось восемнадцать лет. Не в простую тюрьму попали братья Петровы – в плавучую. Стояла на Каме у берега старая баржа. В трюм этой баржи и натолкали белогвардейцы несколько сот человек.

Сидят люди в барже день, другой, третий. Мучаются от голода, тесноты, от спертого смрадного воздуха. Ждут конца. А конец – известный. Каждую ночь вывозят беляки из баржи несколько арестованных на расстрел, а в баржу новых узников суют.

Григорий Петров по молодости лет совсем ослабел и духом упал.

- Отгуляли, - говорит, - мы с тобой, братушка, по белу свету. Придется нам помирать. Не выбраться отсюда живыми.

Коммунист Федор младшему брату и людям одно твердит:

- Про смерть и думать не смейте. Из головы эти мысли гоните. Не поддавайтесь страху. Помогут нам! Непременно помогут. Не может быть, чтобы товарищи нас забыли.

- Как же они нам помогут, когда кругом на десятки верст беляки кишмя кишат? – возражают Федору.

А он свое твердит:

- Я коммунист и своих товарищей по партии знаю. Не бросают коммунисты людей в беде.

Утешал так людей Федор, вселял в них веру и надежду, а у самого все тело горело огнем и голова сделалась чугуновой, как чужая. В барже – теснота, вонь, голод. Для болезни – самое раздолье. Заболел Федор тифом, нов бреду все повторял:

- Верьте Ленину, верьте Советской власти.

С этими словами и умер на руках у брата. Выбросили утром белогвардейцы мертвое тело из трюма. Остался Григорий Петров один. И такая тоска его взяла – словами не выскажешь.

Нашел себе в углу под палубой местечко, лег навзничь, спрятал лицо в ладони да так и застыл на много часов. И никто его ни о чем не спрашивал, никто ничего не говорил. В таком горе словами не поможешь.

В этом углу между досками в палубе маленькая щель была, и свежий воздух сюда кое-как проходил. Слышно было, как по палубе баржи беляки ходят, разговаривают, смеются, как часовые сменяются. В томительном ожидании тянулись дни.

А тем временем узнали о барже смерти в Сарапуле, где стояла в речном порту красная военная флотилия. Разведчики обо всем донесли.

Собрались на военных кораблях матросы на совет.

Неужели так и оставим товарищей погибать? Неужели не поможем, не вызволим?

Смотрят матросы на командира. Развернул перед собой карту командир, думает, что-то в уме подсчитывает- Сложная и трудная задача, товарищи, - говорит задумчиво командир. – У белых по берегам артиллерия. Военные корабли у них тоже есть. Если ввяжемся в бой, сами погибнем, а товарищей не выручим.

- Значит, погибнут люди в Гольянах?

- Нет, будем действовать. Только не в открытую, а применим военную хитрость. Поплывем вверх по Каме под видом белых. Риск, конечно, большой, но товарищей спасти надо.

И на трех речных миноносцах услышали команды боевой приказ:

- К походу готовиться! С якоря сниматься!

Вспенилась за кормой миноносцев мутная осеняю вода, побежали по волнам белые барашки. Разрезая носом воду, поплыли навстречу опасности красные боевые корабли.

Все меньше и меньше домики, рассыпавшиеся по крутому берегу. Остался позади за кормой Сарапул. Потянулись справа и слева лесистые камские берега. Плывут корабли среди бела дня в открытую, никого не таятся. Лишь матросы и командиры на палубах настороженно всматриваются в проплывающие мимо берега, а на кораблях все готово к бою.

Сколько-то километров проплыли и увидели на берегу пушки, а командиры в бинокль и погоны у солдат разглядели.

С берега – грозный окрик:

- Что за корабли? Откуда?

Смотрят матросы на командира, даже дыхание затаили.

А командир миноносца в ответ через рупор:

- Протри зенки-то! Своих не узнал?!

Засуетились на берегу, и снова тот же голос, только еще более строго:

- Что за корабли? Отвечайте, а то прикажу стрелять!

Переглянулись матросы. Комендоры носовой пушки поближе к орудию шагнули.

А командир и бровью не повел. Спокойно отвечает через рупор:

- Отряд адмирала Старка из Уфы. Идем со специальным заданием.

Замахали с берега рукой, честь отдали:

- Плывите!

А матросам того и надо. Радуются, что помогла военная хитрость. Так и плыли три красных миноносца вверх по Каме через береговые белогвардейские посты, пока не показалась вдалеке на правом берегу пристань Гольяны.

Издали увидели матросы баржу смерти. Стояла она у самой пристани. Ходили по палубе взад и вперед часовые. А неподалеку пыхтел, раздувая пары, маленький буксир.

- Хорошо, что здесь буксир есть, - сказал командир. – Сейчас передадим от имени белого адмирала Старка приказ подцепить баржу и вести ее вслед за нами.

И через переговорную трубу вниз, в кочегарку, скомандовал:

- Малый ход! Стоп машина!

Замедлили ход миноносцы, стали подплывать ближе к пристани. А матросы стоят на палубах и с баржи глаз не сводят. Готовы в случае надобности сейчас же в бой кинуться.

Лежал в этот час Григорий Петров в своем уголке под палубой баржи. Мучил его голод. И тяжелые мрачные мысли довили ему голову.

И вдруг слышит: доносятся с реки всплески, ближе, ближе. Пароходный гудок загудел. Догадался: подходит какой-то пароход. Закричал:

- Тише, товарищи! Слушайте!

Затихли все в барже, замерли. Прислушиваются к тому, что снаружи творится.

- Что за корабли? – спрашивают с баржи.

- Отряд адмирала Старка из Уфы, - доносится в ответ. – Подавай сюда начальника конвоя!

Поднялась суeta, возня. Через недолгое время слышат арестованные: качнулась баржа. Заплескалась вода у бортов. Поплыли.

Сидел рядом с Григорием старик Ерофей семидесяти двух лет. Родом из города Осы. Сыновья его с красными ушли, а когда пришли белые, старика арестовали и в баржу смерти бросили. Перекрестился старый Ерофей:

- Господи, помилуй нас, грешных. Это, братцы, смертушка по наши души пожаловала. Везут нас всех, стало быть, на убой...

- Замолчи, дед, не каркай! – прикрикнули на Ерофея. – Без тебя тошно.

Тягостно стало в трюме. Замолчали все. Каждый свою думу невеселую думает, с жизнью прощается. Помирать никому не охота.

Час прошел, другой...Люди счет времени потеряли. Вдруг слышат – остановка. Перестала плескаться вода у бортов, остановилась баржа. Крики какие-то на палубе поднялись, суматоха. Затопали сапоги, все ближе, ближе. Откинулся верхний люк – и брызнул струею в трюм яркий дневной свет. Такой яркий, что те, кто был близко к люку, зажмурился. А сверху веселый голос так и резанул всех по ушам:

- Братишки! Выходи наружу!

Сжались люди в трюме, не дышат. Ушам своим поверить боятся, не понимают, в чем дело. Не провокация ли какая? Может быть, сейчас всех из трюма выгонят и расстреляют, а тела в Каму покидают. От беляков всего ожидать можно.

Подняли головы арестованные. Смотрят, а сверху в люк матрос заглядывает. Лицо озорное, курносое. Улыбается.

- Что же вы не выходите, товарищи?

Так и ударило арестантов в самое сердце это «товарищи». Что тут началось – не расскажешь. Кинулись люди к трапу. Наверх торопятся, падают, оступаются, больных на себе наверх тащат. Вылезли на палубу, худые, страшные. Бросились к своим спасителям, целуют их, плачут. Да и матросы тоже, уж на что суровый, ко всему привыкший военный народ, - тоже не один украдкой слезу с глаз смахнул.

Догадался тут начальник конвоя, что одурачили его. Что не адмирала Старка эти корабли, а красная флотилия. Схватился он в отчаянии за голову, да было уже поздно. Красные миноносцы подплывали к Сарапалу.

Если вам случится когда-нибудь плыть вверх по Каме, сойдите на берег у пристани Гольяны.

Неподалеку от дебаркадера, к которому пристают пароходы, вы увидите памятник-обелиск. Якорные цепи на столбиках окружают его со всех сторон. На верху обелиска – звездочка, а на черной доске, прикрепленной к одной из четырех граней обелиска, можно прочитать:

«30 октября 1918 года из баржи смерти, стоявшей против этого места, героической красной флотилией были освобождены 432 бойца за власть Советов».

Не узнать теперь пустынные некогда камские берега. Неподалеку от Гольян, выше по Каме, построена красавица-электростанция. Высятся трубы заводов, плывут вверх и вниз по реке сотни грузовых и пассажирских пароходов. И люди, проплывая мимо Гольян, смотрят на памятник и думают о тех, кто полвека назад сражался здесь за народную Советскую власть.

*****

РАЗВЕДЧИК

Холодно, неприютно в степи февральской ночью. В белесой мгле неба размытая по краям луна смутно желтеет расплывчатым неясным пятном. Свет ее озаряет бескрайнюю снежную равнину. Дует ветер. Метет поземка.

По едва приметной, занесенной снегом дороге бредет заиндевевшая лошаденка, запряженная в сани. В санях сидят двое. Старик-возница в длинном тулупе то и дело взмахивает вожжами и понукает лошаденку:

- Н-н-о-о-о! Н-н-о, родимая! Вывози! Еще немного осталось! Отдохнешь!

За его спиной, подняв воротник полушубка, подпоясанного ремнем, сидит молодой парень и зябко ежится. Засунув руки в рукава, он пытается отогреть коченеющие пальцы. Неотложные дела заставляют его тащиться по заснеженной степи в эту неласковую пору. В ушах неотступно звучит командирский наказ:

«Первым делом, Иван, узнай, как настроены казаки в станице? Много ли дутовских отрядов в округе? В каких станицах и хуторах они располагаются?»

И еще один недавний разговор вертится в голове у парня.

- Может, тебе бойцов дать? – спрашивает командир.

- Не надо. Одному сподручней. Мешок только дайте. Скажу, что за мукой еду.

- Поезжай, Иван, и помни: от твоей разведки многое зависит. В подводчики возьмешь Прохорыча. Старик надежный, его там знают. Постарайся, Иван.

Светит сквозь мгlistую темень лунный свет, и чудится Ивану в снежном месиве командирское лицо. Разглаживает пальцами усы командир, заглядывает Ивану в глаза:

- Справишься с заданием?

- Справлюсь, товарищ командир. Нельзя не справиться. Дело того требует.

Сидит Иван в саях и сам не замечает, как шепчут непослушные от мороза губы:

- Справлюсь, товарищ командир. Нельзя не справиться.

Старик оборачивается, толкает его в спину.

- Ванюшка, не замерз? Станица слизко, сейчас подьдем.

Впереди смутно чернеют очертания домов. Лошадь спустилась рысью. Ее тоже тянет к жилью.

Из ночной черноты неожиданно вынырнули двое с винтовками. Загородили дорогу.

- Стой! Куда едешь?

- В станицу. Кроме нее куда же еще?

Голос у старика делано спокоен. Отвечает он с достоинством, не торопясь.

- К кому? По какому делу?

- К Степану Шутову. Знакомец он мой давний.

- А это кто такой?

- Парнишка один. Из заводских. Мучкой хочет у вас разжиться.

- Ездит тут всякая шантрапа. Ладно, проезжай.

Расступились двое, давая дорогу, растворились в ночной мути, словно и не было их вовсе на дороге.

Старик дернул вожжи и скоро свернул к занесенному по самые окна снегом домику. Лошадь встала у ворот. Старик вылез из саней и постучал кнутовищем в закрытые ставни. Во дворе тотчас же залаяла собака. Откликаясь ей, где-то на задворках забрехала другая, третья. Начался такой собачий концерт, что Иван с опаской оглядел ночную улицу. Но улица оставалась пустынной, а собаки мало-помалу умолкли, и снова воцарилась тишина.

Долго не отвечали на стук. Потом кто-то вышел во двор, подошел к воротам, и глуховатый бас спросил:

- Кого принесло в такую пору?
- Отворяй, Степа, принимай гостей, - сказал старик.
- Кто это?
- Прохорыч. Ай не признал?
- А, Матвей Прохорович! Сейчас, сейчас отопру.

Отворились ворота. Хозяин пропустил гостей вперед и сам, сильно прихрамывая, вошел в избу.

- Давненько не виделись с тобой, Прохорыч. А это что с тобой за парень? – внимательный изучающий взгляд скользнул по Ивану.

- Это попутчик мой. За мукой едет.
- Ну, раздевайтесь, присаживайтесь. Хозяйка, ставь самовар.

Слезла с печки заспанная красивая женщина, захлопотала в кухне. Гости не заставили себя долго упрашивать, и как только запыхтел на столе под иконами медный самовар, сели за стол и с наслаждением стали отогреваться чаем. Допивая третий стакан и вытирая лицо платком, старик осведомился:

- Какая, Степа, у вас теперь власть в станице?

- Власть белая, - сказал хозяин, скручивая папироску из обрывка грязной бумаги. – Дутовские офицеры наемни приезжали, записали наших казачков в отряд. Велено теперь ловить красных и стрелять на месте либо тащить к атаману.

- Тебя тоже записали?

- Нет, какой я ныне вояка? – хозяин засмеялся и похлопал себя по хромой ноге. – Мне немец на германском фронте на всю жизнь отпускной билет выдал.

Иван не спеша отхлебнул с блюдечка, поставил его на стол и спросил равнодушно:

- И большой отряд у вас?

- Штыков сто наберется, а может, и больше. Я не считал. В станичном правлении у них штаб.

Попили гости чаю, поговорили о погоде, которая разгулялась некстати, о том, о сем. Иван толкнул локтем в бок Прохорыча, надел полушубок и вышел во двор. Немного погодя на крыльцо вышел и старик.

- Ты, Ванюшка, Степу не опасайся, - вполголоса сказал он, поглядев на небо, которое заметно начало светлеть. – Степан – мужик надежный. Если и откроемся ему – не выдаст.

- Я не опасуюсь, - хмуро сказал Иван. – Только время сейчас такое, что лучше язык за зубами держать. Ты, Прохорыч, лошадь не распрягай, жди меня. А я к станичному правлению проберусь. Погляжу, что это за штаб такой у них.

- А если казакам попадешься? Гляди, несдобровать тебе тогда.

- Об этом пустое говоришь. Жди меня!

Иван отворил ворота и выскользнул на улицу.

Во всей станице, привольно раскинувшейся в уральской степи, тишина и мрак. Только в просторном пятистенном доме станичного правления светятся окна.

Иван подкрался к правлению, заглянул в окно. Через замерзшее стекло ничего не было видно. Он осторожно подошел к крыльцу. Огляделся – никого. Запорошило снегом ступеньки. Наверное, больше часа никто не проходил по ним.

Иван толкнул дверь в сени. Она легко открылась. В темных сенях Иван долго шарил по стенам, пока нащупал еще одну дверь. Приложил ухо к холодным доскам возле дверной ручки – ничего не услышал. Тишина, ни звука.

Иван осторожно потянул дверь на себя. Она скрипнула. Иван замер, подождал минуту и снова потянул дверь на себя. Она пошла уже легче. В узкую щель полуоткрытой двери Иван протиснулся в темный коридор. Здесь уже слышны были голоса и что-то светилось в углу. Иван затаил дыхание, нащупал пальцами рукоятку нагана за пазухой и, немного помедлив, решительно шагнул вперед.

Светлое пятно в конце коридора оказалось дверной щелью. Обшитая кошмой, дверь была прикрыта неплотно. Иван подкрался к ней и присел перед щелью.

Он увидел просторную комнату с лавками по стенам. В углу стоял стол, и на нем тускло чадила керосиновая лампа. В другом углу топилась чугунная печка, и отсветы пламени из ее узорчатой дверки падали на бревенчатые стены и бородастые лица казаков. Иван насчитал двенадцать человек. Все они были с винтовками. У того, что сидел за столом, желтели на погонах унтер-офицерские нашивки.

До Ивана долетели обрывки разговора.

- Неважнецкие пошли дела, господа казаки, - сказал сидевший совсем близко от двери худощавый казак с пышными усами. – Прямо сказать: совсем плохие.

- Это почему же? – сидевший за столом сердито уставился на говорившего, подался вперед. Погоны его с унтер-офицерскими нашивками приподнялись при этом.

- Да чего же хорошего? Верхнеуральск красные заняли? Заняли! Скоро и до нас доберутся.

- А ты не ной, как баба, - строго сказал унтер-офицер. – Не сунутся красные в наши края. Дутов у нас под боком.

- Нашел, чем красных стращать! Плевали они на Дутова!

- Гусельников! Ты что? – лохматые брови унтер-офицера сошлись на переносице. – Ты знаешь, что за такие разговорчики полагается?! Вот я доложу вахмистру!

- А что он, не правду сказал, что ли? – вмешался в разговор один из казаков.

В комнате началась перебранка. Унтер-офицер стукнул кулаком по столу.

- Тихо вы! Военной службы не знаете?

- Да уж знаем поболее тебя, - проговорил Гусельников. – Три года вшей в окопах кормили. Приехали домой – думали конец. Ан, нет, и тут война!

- Гусельников, еще раз упреждаю! Чем болтать, иди лучше караульных за станцией смени. Лошаков, твой черед в наряд!

Два казака нехотя поднялись с лавок, вскинули винтовки за плечо и шагнули к двери. Иван отпрянул, но тут же дерзкая мысль мелькнула у него в голове. Она была такая дерзкая и неожиданная, что он даже сам не успел обдумать ее как следует.

Выхватив из-за пазухи наган, он распахнул дверь и ворвался в комнату. Пышноусый Гусельников и низенький тщедушный Лошаков при виде вооруженного парня как бы застыли на месте. Казаки повскакали со скамеек.

- Руки вверх! Сдавайся! – потребовал Иван.

Унтер-офицер потянулся было за наганом, лежавшим на столе, но Иван одним прыжком очутился возле стола и опередил его. Потрясая двумя наганами, он гаркнул во всю силу легких:

- Эй, казаки! Слушать меня! Станица окружена красными. Не вздумайте ершиться – бесполезно. А ну, складывай оружие!

- Да мы что...мы ничего...- испуганно забормотал тщедушный Лошаков. – Разве мы ж против красных своей волей? Нас заставили... Верно я говорю, казаки?

- Верно, верно, - слышались с разных сторон поспешные голоса. – К нам в станицу офицеры приезжали.

Винтовки полетели на пол. Не спуская с растерянных казаков глаз, Иван ногой отодвинул оружие в угол и, не давая опомниться, приказал:

- Дутовских прихвостней не слушать. Теперь я у вас командир! А ну, отвечайте, где эти мерзавцы сейчас?

- Должно, в Магнитном. Там отряд в триста штыков, - сказал Гусельников. – Вон унтер лучше нас всех знает про это. Он за главного.

- Верно он говорит? – Иван повернулся к унтер-офицеру.

- Верно, - пробормотал тот, с опаской покосившись на револьверы в руках разведчика.

- А в Степном?

- Там тоже есть дутовский отряд.

Иван шагнул к столу, оттолкнул унтер-офицера плечом так, что тот отлетел в угол, выдернул ящик стола и выгреб оттуда все бумаги.

- А ну, садись по лавкам! – скомандовал он казакам.

Те послушно уселись, не возражая. Унтер-офицер опустился на табурет.

- Слушать мою команду! Сидеть всем смирно, пока я своему начальству не доложу! Как только войдет в станичное правление мой командир, ты отрапортуешь. – Иван взглянул на унтер-офицера. – Понял?

- Так точно, понял!

- Смотри у меня, чтобы все честь честью!

Иван спиной толкнул дверь и выскочил в коридор. Прислушался: за дверью было тихо. Он усмехнулся, спрыгнул с крыльца и побежал.

Уже вставал над станицей мутно-серый зимний рассвет. Возле первого переулкa к Ивану подкатили сани. Встревоженный Прохорыч поджидал его.

Иван прыгнул в розвальни, приказал старику:

- Поехали скорей, пока они не опомнились.

Старик взмахнул вожжами, крикнул:

- А ну, давай, милая! Вывози!

Иван держал револьверы наготове, но у выезда из станицы не было никого. Должно быть, холод загнал часовых под крышу.

Впереди снова расстилалась снежная равнина. Луна спустилась низко к горизонту. А с востока охватывал небо серый рассвет. Ветер поутих, прекратилась поземка.

- Ну, как дела, Ванюшка, друг разлюбезный? – спросил Прохорыч?

- Дела как сажа бела! – ответил разведчик и засмеялся.

Только на какое-то мгновение подумал он о том, что могло бы произойти, если бы казаки не поверили в то, что станица окружена красными. Но думать об этом не хотелось. Давай быстрее, Прохорыч! – сказал он старику. – К нашим надо поскорее добраться!

Старик дернул вожжами, по-молодецки присвистнул, и мохнатая лошаденка прибавила шаг.

*****

ПУЛЕМЕТ

Отступали красные из поселка с боем. Сначала тихо и пустынно было на улицах. Когда солнце огромным красноватым шаром стало спускаться за Сосновую гору, забежал домой запыленный, почерневший Мишкин и Пашкин отец.

Еще в сенях схватил он со скамейки ведро, поднял его и долго пил прямо из ведра. Мишка смотрел, как ходуном ходит на небритой, заросшей щетиной отцовской шее кадык, как булькает вода, и стало ему вдруг страшно. Пашка стоял рядом и тоже смотрел на отца.

Поставил отец ведро на лавку, вытер рукавом губы и сказал матери:

- Собери-ка скорей чего-нибудь с собой. Уходим. Напирают беляки.

Мать охнула, засуетилась, заметалась по кухне, стала совать в полотняный мешок хлеб, вареную картошку, луковицы, соль. Достала из сундука пару белья.

Взял отец мешок, забросил на плечо, обнял мать и сыновей:

- Живите как-нибудь. Ждите. Не надолго отступаем.

Мать припала к груди отца, повисла на плече, заплакала, заголосила на весь дом.

- Что ты, Маша, что ты? Успокойся, нельзя так.

Оттолкнул ее отец, подхватил винтовку и исчез. Хлопнули за отцом ворота, а потом вскоре как забухали со стороны железной дороги выстрелы, как бабахнула откуда-то издалека пушка. Хотел Мишка выскочить за ворота, чтобы поглядеть, откуда стреляют, но мать схватила его за рубаху.

- Куда, бес проклятуший? А ну марш скорее в погреб оба! Мишка с Пашкой опрометью бросились в сарай, под полом которого был вырыт погреб, спустились по шаткой лесенке вниз. За ними слезла и мать с фонарем в руке. Было сыро в погребе, пахло керосином из чадящего фонаря, мышами и гнилой картошкой.

- Фью-ю-ю-ю-ю... Бах!... Фью-ю-ю-ю-ю... Бах!

Свистело и ухало где-то высоко над головой. Пашка толкнул брата локтем:

- Мишк, а Мишк, если прямо в погреб бабахнет, от нас чего-нибудь останется?

- Типун тебе на язык! – закричала мать, и крик ее так зазвенел в закрытом погребе, что в ушах зачесалось.

Пашка замолчал, подождал немного и опять толкнул Мишку локтем:

- Мишка, а какой типун бывает? Ты видел?

Рассердился и Мишка. Тут война идет, людей убивают, с отцом неизвестно чего, а Пашка с глупыми вопросами лезет. Хотел он двинуть Пашку втихомолку ладонью по башке, но покосился на бледное, испуганное Пашкино личико, так густо усыпанное веснушками, что видны были даже здесь, при тусклом свете фонаря, и сдержался. Как-никак был Пашка почти на четыре года моложе его, Мишки. Обнял Мишка брата за плечи, шепнул на ухо:

- Не бойся, в погреб не попадут.

Долго гремели наверху выстрелы. Постепенно затихая, уходил бой куда-то в сторону Сухого лога, и только возле железной дороги над скалами до ночи короткими очередями стучал пулемет. Потом и пулемет замолчал. Спустилась летняя ночь. Тягостная тишина нависла над темным притихшим поселком. Ни в одной избе ни звука, ни огонька.

Вылезла из погреба мать, выбрались наверх и Мишка с Пашкой. Поглядел Мишка на небо, только три звездочки увидел.

«Лето, - подумал он. – Осенью все небо усыпано, а тут только три мигают. Невдомек им, что у нас война».

Ткнулся в Мишкину руку верный Шарик, заскулил. Мишка погладил его, а Пашка присел и положил собачью голову на колени.

- Хватит вам с собакой заниматься, - сердито сказала мать. – Спать идите.

Заглянула она в хлев, где шумно дышала в темноте корова Рыжка, поправила на воротах тяжелый засов и тоже зашла вслед за сыновьями в избу.

Долго не спал в ту ночь Мишка. Все думал о бое, об отце. Живой ли? Слышал Мишка, как ворочается на своей кровати мать, как посапывает рядом в его плечом Пашка. Только под утро сон одолел его. Приснилось ему удивительное. Будто стоит он на Сосновой горе, откуда весь поселок виден, как на ладони, а прямо перед ним пушка. Огромная, на колесах. Отец протягивает Мишке какую-то штуковину и говорит:

- Держи, сынок, не бойся!

Дернул Мишка за эту штуковину, а пушка как бабахнет. Потом еще и еще. Так что в ушах загудело.

Вскочил с постели Мишка, спросонья ничего понять не может. И уже не во сне, а наяву и в дверь и в окна кто-то барабанит сердито, нетерпеливо.

И крики с улицы:

- Отпирай!

- Мама, стучат к нам.

- Слышу, не глухая.

Заметалась по избе мать, накинула платье, вышла в сени.

- Кто там? Чего надо? – голос испуганный, дрожащий.

- Отворяй, такая-сякая! – еще требовательней, еще злее крикнул незнакомый голос за дверью. Откинула засов у двери мать, и ворвались в комнату белогвардейцы.

- Свет зажги!

Зажгла мать лампешку. Запрыгали по стенам длинные тени. У офицера на плече погон заблестел. Стоит офицер в дверях, а сзади за его плечом с золотым погоном куцая бороденка в избу заглядывает. Лавочник Иона Паршунин, набожный, богомольный, глазки свои узенькие прищурил и что-то офицеру шепчет.

- Где муж? – спросил офицер и к матери шагнул.

Стоит мать возле печки, в платок кутается, словно ей холодно.

- Нет его дома, ушел.

- С красными ушел?

- Не знаю.

- Врет, ваше высокоблагородие, - громким шепотом заговорил лавочник. – Она все знает!

- Оружие есть?

- Какое еще оружие? Откуда оно у нас?

- Ладно, сами посмотрим. Найдем – несдобровать!

Дал офицер знак солдатам. Принялись они шарить по избе, выбрасывать все из сундука, с печки, с полатей. Выбросил усатый рябой солдат из шкафа любимого Пашкиного глиняного конька, наступил на конька сапогом. Только хруст по избе пошел. Всхлипнул Пашка, но поглядел на мать, на брата и перестал всхлипывать.

Все перерыли и раскидали в избе белогвардейцы и ушли, ударив мать на прощанье плеткой по лицу. И остались посреди избы плачущая мать с багровым рубцом на щеке и растерянные Мишка и Пашка.

Утром чуть свет ушел Мишка на окраину поселка поближе к Каменной горе, которая скалистыми уступами спускалась к железной дороге. Пашка увязался за братом. Вышли они оба к околице и повстречали здесь знакомых ребят. Стояли на опушке леса Гришка, Петька, Егорка и Ванька – хорошие Мишкины друзья-приятели. Гришка с Петькой в соседях жили, Егорка и Ванька тоже неподалеку. Поздоровались, Гришка спросил:

- У вас ночью с обыском были?

- Были, - кивнул Мишка. – Мать один плеткой по лицу съездил. Я бы этого гада сейчас убил на месте.

- А с каменной горы красные дольше всех стреляли. Из пулемета, - сказал Петька. – Я слышал.

- Все слышали, не один ты.

- Пошли, ребята, по лесу пройдем, - предложил Мишка.

Скрылись мальчишки между сосен. На траве, холодная и прозрачная, поблескивала роса, холодила мокрые босые ноги. Солнце высвечивало верхушки сосен, блестками радуги горело в капельках росы. Бежал впереди мальчишек мохнатый Шарик, вынюхивал что-то в траве, умчался далеко вперед и вдруг вернулся, жалобно скуля.

- Чего это он? – удивился Ванька.

- Кто его знает, почуял что-то, - пожал плечами Мишка.

В том месте, где начинался от Каменной горы крытой скалистый обрыв к железной дороге, поредели сосны. Вышли мальчишки на опушку леса и замерли как вкопанные.

Стоял перед ними на краю обрыва трехногий пулемет и возле этого пулемета лежал в траве, уткнувшись головой в землю, человек.

Переглянулись ребята, побледнели. Хотел было Пашка обратно в кусты податься, но поглядел на брата и остался. А Мишка пересилил страх и подошел поближе. Следом за ним шагнули к пулемету и остальные.

- Убитый? – прошептал Гришка, разглядывая неподвижное тело.

- Наверное, убитый, - так же шепотом сказал Мишка. – А может, он живой еще? Давайте перевернем.

- Мишка, он мертвый, я боюсь, - заскулил Пашка.

- Цыц ты, - прикрикнул на него Мишка. – Не надо было ходить со мной.

Подбадривая друг друга, ребята подошли совсем близко и перевернули пулеметчика на спину. Лицо его, залитое запекшейся кровью, было неподвижно, вместо глаза темнела глубокая рана, по которой ползали муравьи.

- Убитый, - сказал Мишка, зябко передергивая плечами. – Я его знаю. Это Федя-пулеметчик. Нездешний он. Хороший парень был. Один раз возле церкви мне за пулемет подержаться дал.

Поглядели мальчишки на пулемет, из которого торчала патронная лента, на груды расстрелянных лент и коробку, в которой виднелись еще не израсходованные ленты.

- Я знаю, как из него стреляют, - сказал Ванька.

- Знают без тебя, - сердито сказал Мишка. – Надо этот пулемет спрятать, а то беляки найдут.

Подняли мальчишки тяжелый пулемет, отнесли в сторонку за сосны. Мишка недолго разглядывал его. Отвинтил ствол от треноги. Отнесли ребята пулемет к расщелине в скале, которой открывался вход в небольшую пещерку, спрятали и заложили вход в расщелину камнями.

В поселке рассказал Мишка про убитого соседа дяде Степану, у которого была лошадь. Запряг дядя Степан своего Гнедка в телегу, привез мертвого красногвардейца в поселок и схоронил его на кладбище. Мало кто видел эти похороны. А кто видел, тот молчал. Не такое настало время, чтобы болтать обо всем можно было.

С тех пор неудержимо стала манить к себе мальчишек пещерка на Каменной горе. Дня не проходило, чтобы не побывал Мишка с приятелями в заветном укромном местечке. Договорились ходить на Каменную гору окольными тропинками, поодиночке, чтобы не заметили и не заподозрили ничего белогвардейские солдаты, которые стояли в поселке.

Собирались мальчишки в зарослях сосняка на Каменной горе, доставали из расщелины пулемет и долго разглядывали и изучали его, примеривались к нему и так и этак.

У хромого Авдея, который воевал на германском фронте, узнал Мишка то, что было непонятно. Выспрашивал осторожно, будто не только пулеметами интересовался, но и пушками, и винтовками, и бомбами. А потом возле своего тайника, вспоминая эти рассказы и то, что они все видели, когда красные были в поселке, учились мальчишки разбирать и собирать заманчивый пулемет.

Научились быстро все, даже Пашку не обидели, попробовать дали. И Пашка скоро разбирал пулемет, как заправский пулеметчик. Выдернет шпиль с цепочкой – отделится тренога. Вывинтит ствол – вот и разобран пулемет на три части. А дальше уже остается только магазинная часть, куда лента с патронами вставляется. Через неделю Мишка предложил:

- Давайте попробуем стрелять.

Долго совещались мальчишки в этот вечер у заветного тайника.

Полдень. Жарко греет солнце. Тучами носятся в воздухе слепни, жалят немилосердно. Один даже на лоб Мишке сел и разбух от крови. Но Мишка на него и внимания не обращает. Не до слепня ему. Сидит он в кустах возле того места, где погиб Федя-пулеметчик, а перед ним – пулемет. Мальчишки-приятели притаились рядом, не шелохнутся. Хорошо видна им сверху и железная дорога, и край поселка вдали. Ниже железной дороги нестерпимым блеском играет на перекатах река. Белый дымок показался со стороны поселка. Петька толкнул Мишку локтем: «Идет». Повел стволом Мишка в сторону состава, поправил ленту с патронами, положил палец на спусковой крючок.

Все ближе и ближе товарный состав. Пролетел внизу под скалами паровоз, замелькали теплушки воинского эшелона. На тормозных площадках – солдаты с винтовками.

Поймал Мишка в прорезь прицела мелькающие вагоны, нажал пальцами на спусковой крючок и чуть не выпустил пулемет из рук, когда сухой отрывистый треск пулеметной очереди смешался со стуком вагонных колес.

Видели мальчишки, как выронил винтовку часовой на тормозной площадке платформы, на которой стояло что-то укутанное брезентом, как стал он оседать, запрокидываясь набок.

Нажал Мишка еще раз на крючок и снова полоснул очередью по эшелону. Но уже промелькнула внизу крыша последнего вагона. Уже трепыхался между буферами хвостовой флажок.

- Мишка, давай скорее тягу! – схватил Мишку за руках Гришка.

- Давай скорее, пока в поселок не сообщили.

И хотя пустынна была внизу железная дорога, хотя не слышно ничего было, кроме назойливого жужжания слепней, возбужденные мальчишки торопливо потащили пулемет подальше от лесной опушки к своему тайнику.

С того дня повадились они устраивать засады то в одном месте, то в другом. Уже не только Мишка, но и его друзья обстреливали проходящие поезда. Выпустят очередь по белогвардейскому эшелону. А сами скорее в кусты – прятать пулемет в укромном месте.

Смутные слухи поползли по поселку из дома в дом. Перестали ходить по улицам в ночное время белые солдаты в одиночку. Ходили только группами по несколько человек. И у всех на устах новое слова:

- Партизаны!

Затаились мальчишки. Неделю из поселка никуда не выходили. А потом снова – за старое. Обстреляют железную дорогу и через десять минут уже бродят по лесу далеко от опасного места. Пойдут прочесывать лес белые солдаты – никого не найдут. Только наткнутся на мальчишек с уздечками в руках.

- Не видели ли партизан?

- Нет, не видели, дяденька, - отвечают ребята, а сами в свою очередь к солдатам с расспросами:

- А вы наших лошадей не встречали? Одна гнедая, ухо рассеченное. Другая – пегая, с завязанным хвостом.

Поглядят солдаты на мальчишек и пройдут мимо. А Сережка один раз до того осмелел, что солдатам вслед крикнул:

- У нас, дяденьки, никаких партизан сроду не было и нету. Все больше рыжики да маслята.

Обернулся офицер, который с солдатами шел, поглядел на парнишку: дурак дураком! Рот раскрыт, картуз не по голове, до ушей съехал. Плюнул офицер с досады, погрозил кулаком и исчез в зарослях. Засмеялись тихонько мальчишки. А Сережка вслед офицеру язык высунул.

Совсем осмелели после этого случая мальчишки. Разглядывал как-то Мишка пулемет, вынутый из тайника, и увидел с огорчением на стволе рыжий налет ржавчины. Почесал он озабоченно в затылке.

- Надо масла и керосину принести, почистить и смазать.

А Гришка вдруг предложил:

- Давай лучше пулемет в поселок унесем. Спрячем у вас в сарае, вычистим как следует.

Только секунду колебался Мишка, махнул рукой.

- Давайте унесем в поселок.

Сходили мальчишки домой за мешками, набили их травой, спрятали в траве кто треногу, кто ствол, кто остальное и огородами зашагали к поселку. Последними шли Мишка и Пашка. Мишка тащил на плече мешок с травой, Пашка не отставал ни на шаг.

И ни один из мальчишек не думал о том, что беспечность в военное время до добра не доводит.

В поселок зашли мальчишки со своим грузом, когда день уже угасал. Через заросший крапивой проулок, между заборами тайком пролезли они в Мишкин огород, спрятали пулемет в амбаре, а Мишка с Пашкой направились к дому.

Уже совсем скрылось солнце за крышей избы. Только верхушку тополя озаряли солнечные лучи. Длинная тень избы перечеркнула весь двор и налезла до половины забора.

- Попадет нам с тобой, Мишка, – сказал Пашка. – Опять поздно пришли.

- На то она и мать, чтобы ругаться, – рассудительно сказал Мишка тоном взрослого, знающего себе цену мужика. – Беспокоится же она о нас с тобой.

Вошли братья в избу и увидели мать. Сидела она у стола на лавке и что-то шила.

- Где шлялись до сей поры? – спросила она у сыновей сердито.

- Мы, мам, за травой для Рыжки. Три мешка приволокли.

- Жрать-то небось хотите как волки?

Не дожидаясь ответа, пошла мать на кухню, загремела там заслонкой. Вкусно пахло в избе горячими щами, и через минуту Мишка с Пашкой уже сидели за столом и бойко орудовали ложками.

Поели, облизали старательно ложки и вылезли из-за стола. Долетел с улицы протяжный условный свист. Выглянул Мишка в окно, увидел: стоит на дороге Петька, соловьем заливается. Мишка махнул рукой: «Сейчас».

- Куда это опять? – недовольно спросила мать.

- Мы только во двор, мама, по хозяйству кое-что поделать.

- Воды из колодца принесите, – распорядилась мать.

Сбегал Мишка к колодцу за водой. Не один раз сбегал, а четыре. Дружки-приятели Гришка с Петькой помогали. Тоже принесли по полным ведрам. Наполнили кадку возле крыльца. Вычистил Мишка хлев от навоза, приколотил оторвавшуюся доску у забора. А потом забились все в амбар,

разложили на полу детали пулемета, и запахло в амбаре керосином и оружейным маслом. Пашка стоял в дверях амбара на часах, но мать во двор так и не вышла, все занималась своим шитьем.

Провозились в амбаре до сумерек. Хотел Мишка разобрать снова по частям собранный на полу амбара пулемет, но как раз крикнула его зачем-то мать. Выскочили мальчишки из амбара во двор, навесили на двери тяжелый замок, и побежал Мишка в избу. А про пулемет подумал: «Утром чуть свет разберем его и опять в лес утащим. До утра ничего ему не сделается».

Вошел Мишка в избу и увидел, что мать мешок в руках держит и сует туда хлеб и белье, которое чинила весь вечер. Поглядела мать на Мишку внимательно.

- Сынок, ты Пантелея Силина с Заречной улицы знаешь?

- Знаю. Его Семка со мной в школе учился.

- Отнеси ему этот мешок. Только поаккуратней.

- Зачем?

- Значит, нужно.

Улыбнулась мать: «Много знать будешь – скоро состаришься».

Встрепенулся Мишка от радостной догадки:

- Для тяти мешок?

Кивнула молча головой мать. Мишкины вихры пригладила.

- Где он сейчас, мама?

- В лесу скрывается. Передавали мне надежные люди. Ты иди, или, отнеси мешок.

Вышел Мишка во двор – Пашка с Шариком возится.

- Ты куда?

- На кудыкину.

- И я с тобой.

- Сиди дома. Я один сбегаю. Иди маме помоги.

- Пошел Мишка по вечерней улице с мешком – ноги от радости сами собой идут, а в ушах слова, как песня: «Живой тятя, живой!»

Пришел Мишка в Пантелею Силину, отдал мешок:

- Вот, мама прислала.

Ничего не спросил Силин. Молча взял мешок, отнес его куда-то под сеновал и, вернувшись, сказал:

- Ладно, скажи матери, что передам.

Постоял Мишка, переминаясь с ноги на ногу, и неожиданно для себя сказал:

- Дяденька Пантелей. А у нас пулемет есть. Ты скажи тятю.

Поглядел Пантелей на мальчишку пристально: не врет ли.

- Откуда он у вас?

- А мы его в лесу нашли. Там, где пулеметчика белые убили. В пещерке на Каменной горе спрятали.

- Постой, постой... – взял Пантелей Мишку за плечи, к себе придвинул.

– Это уж не вы ли по эшелонам палили?

Пришлось Мишке во всем сознаваться. Выслушал его Силин и сказал:

- Пулемет утром обратно на гору отнесите и чтобы больше не баловать. А я отцу твоему сообщу. Партизаны пулемет заберут. Им оружие сейчас позарез нужно.

Пожал Пантелей Силин Мишке руку как взрослому и проводил его за ворота. Вернулся Мишка домой, рассказал матери, как мешок отдал, а про пулемет – ни слова. И долго потом лежал в кровати с раскрытыми глазами, все думал о том, как обрадуется отец, когда Пантелей Силин ему про пулемет расскажет.

«Мне бы тоже в лес податься, к партизанам», - подумал Мишка и с этими мыслями уснул.

Разбудил его стук в окно.

Материн голос спрашивал:

- Кто там?

- Открывай.

- Господи! Да что вы покою-то не даете? – запричитала мать.

Вскочил на кровати и Пашка, прижался к Мишке испуганно:

- С обыском. Ой, Мишка, а как же пулемет?

Спрыгнул Мишка на пол, хотел бежать в амбар. Но по ступенькам крыльца уже поднимался знакомый офицер, а следом за ним – солдаты.

- Брысь обратно! – закричал офицер на Мишку.

- Мне... мне до ветру надо!

- Потерпишь, ничего с тобой не случится!

Втолкнул офицер Мишку в избу и дверь перед его носом захлопнул.

- Мищенко, начинай!

- Слушаюсь, ваше благородие.

Шагнул высокий рябой унтер с нашивками на погонах к сундуку, и полетели из него на пол материны юбки и кофты. Другой солдат с кровати все покидал, третий в печку полез.

- Чего вы все ходите, ищете? Чего людям спать не даете? – сказала мать. – Нету у нас ничего. Ведь обыскивали уже.

- Ты, баба, молчи. Выспишься, успеешь.

Придвинул офицер к себе зажженную лампу, прикурил от нее папиросу и развалился на лавке, положив ногу на ногу.

Поставили солдаты все в избе вверх дном, и вытянулся рябой Мищенко перед офицером:

- Ничего не обнаружено, ваше благородие!

- Идем во двор! – сказал офицер злым голосом и матери приказал: - Ты с нами иди!

Вышли солдаты во двор, вышла за ними мать. Выскочили и Мишка с Пашкой. Темно было во дворе, только край неба на востоке чуть начинал светлеть.

Шагнул офицер к амбару, потрогал замок и приказал матери:

- Отпирай! Да фонарь зажги. Где он у вас тут висит?

Вспомнил, должно быть, офицер про первый обыск и про фонарь, с которым тогда лазили по всему двору.

Схватил Мишка сзади мать за руку, прошептал с отчаянием:

- Мама, не отпирай!

Дрогнула материна рука. Поглядела мать на Мишку, увидела, как блестят в сумраке двора белки его широко раскрытых глаз и поняла сразу: есть что-то в амбаре.

- Долго ты будешь раздумывать? – закричал офицер. – Отпирай, тебе говорят!

- Сейчас, сейчас! – заторопилась мать.

Она подошла к двери, долго шарила между бревен над дверью, а в голове ее, как пойманная птица в клетке, неотступно билась мысль: «Что делать? Что делать?»

- Живей поторапливайся, а то прикажу дверь ломать! – сказал офицер.

- Ключ не найду! Куда он запропастился?

- Сейчас откроем без ключа. Мищенко, ломай замок!

- Вот он, вот! Нашла! – дрожащим голосом сказала мать и начала вставлять ключ в замочную скважину.

Не зажигая фонаря, она шагнула в амбар и сразу запнулась обо что-то. С лихорадочной быстротой руки ее ощупали холодную железную треногу и ствол над нею. Винтовка или пулемет – это она не поняла. Однако было ясно матери: оружие. «Притащили сорвацны на погибель, - подумала она. – Что же делать?» А сзади уже поднимался по ступенькам амбара офицер, брэнча шпорами.

- Фонарь зажигай, - приказал он.

В эту минуту Мишка и Пашка стояли посреди двора. Пашка испуганно вцепился в Мишкин рукав. А Мишка проклинал себя, ругал последними словами: «Дурак! Растяпа! Ведь уже был один раз обыск! Думал, что больше не придут. Вот болван! Что же делать? Что делать?» Он представил себе, как офицер увидит пулемет, как в довольной и злой усмешке оскалит зубы. Как поволокут потом со двора мать. А что будет дальше – об этом Мишка уже старался и не думать.

Вспыхнул в амбаре фонарь. Красноватые лучики света заиграли в щелях между бревнами. – Свети сюда, в угол! – послышался из амбара грубый голос. – Теперь сюда. Повыше подними фонарь!

Что-то звякнуло в углу амбара. Полетело вниз пустое ведро.

- А, дьявол вас побери! Наставили тут разного хламу!

Мишка замер. Вот сейчас... Сейчас... все начнется! Прошла минута, другая. Время тянулось вечностью. В амбаре – звон шпор. И – ни слова больше.

Вышел офицер из амбара. За ним с зажженным фонарем вышла во двор мать. Дрожала рука ее, державшая фонарь. Дрожали на воротах черные зловещие тени. Уселся офицер на ступеньку крыльца, закурил, кивнул рябому унтеру:

- Мищенко, возьми у бабы фонарь. Сходи в огород. В баню загляни.

- Слушаюсь, ваше благородие!

Ничего не понимал Мишка. Смотрел молча на мать, на офицера, на солдат, которые шарили по двору.

«Как же пулемет?» - думал он.

Вернулся с огорода рябой Мищенко, вытянулся перед офицером:

- Ничего не обнаружено, ваше благородие!

- НЕ обнаружено – значит, их счастье! – недобро усмехнулся офицер и скомандовал солдатам: - Пошли!

Закрылись за непрошенными гостями ворота. Затихли вдалеке на ночной улице топот сапог и звон офицерских шпор.

Мать повернулась к Мишке и бессильно опустилась на ступеньку крыльца.

- Ироды! – плачущим голосом сказала она. – Что вы со мной делаете, пустые башки!

Но Мишка не слушал ее. Бросился он в амбар, стал шарить в темноте. Руки его сразу же нащупали посреди амбара холодный металл. Не веря, Мишка начал торопливо искать спички. Нашел, чиркнул. Колеблющийся огонек осветил бревенчатые стены, потолок, груды старого хлама в углу. А на полу посреди амбара Мишка увидел целехонький пулемет. Он смотрел на него до боли в глазах, пока спичка не догорела вся и огонь не обжег пальцы.

Пулемет был на том самом месте, где оставил его с вечера Мишка со своими приятелями. К раскоряченной треноге приставлен отвинченный ствол. Мишка ничего не мог понять. Быть в амбаре и не увидеть пулемета?

Вышел Мишка во двор, поглядел на мать вопросительно. Успокоилась она уже и поднялась со ступенек, прихватив с пола все еще горящий фонарь.

- Растяпы вы, растяпы! – сердито сказала она, с укором глядя на сыновей. – Бить бы вас, да некому. Ладно, мать-то у вас не такая простофиля, как вы!

И вдруг засмеялась мать тоненько и тихонечко, как девочка.

- Мама, как же это все вышло? – только и смог выговорить Мишка.

Поглядела мать на сыновей совсем веселым взглядом. Головой на амбар кивнула:

- Идите, покажу как!

Зашла мать в амбар, приподняла длинную свою юбку, встала, расставив ноги над пулеметной треногой, и юбку опустила. Ахнул Мишка. Засмеялся тихим смехом Пашка. Совсем скрыла материна юбка и треногу, и ствол.

Стоит мать посреди амбара, с места не двигаясь, и во все углы фонарем светит:

- Ищите, ваше благородие!

Засмеялись Мишка с Пашкой, но мать оборвала смех и фонарь потушила:

- Чтобы нынче же этой игрушки тут не было!

- Не будет, мама, не будет! Мы его в лес утащим опять. Партизаны его заберут. Я дяде Пантелею про пулемет говорил.

Уже не уснули больше ни мать, ни Мишка с Пашкой. Да и некогда было спать. Восток светлел алым светом все больше и больше. Пропели

последние петухи. А мать с сыновьями сидели на лавке в сумрачной избе и вспоминали отца.

Чуть брызнули лучи солнца из-за горы, пробирались уже Мишка с Пашкой к лесу, несли в мешке спрятанную треногу. У опушки леса скрыли ее в кустах и другой тропинкой вернулись за стволом.

Так и перекочевал пулемет обратно в облюбованный мальчишками тайник в расщелине скалы на Каменной горе. Тщательно заложили они вход в расщелину камнями. Прошел день, и никто их них не побывал у заветного тайника. А когда пришли сюда снова Мишка, Пашка, Петька и Гришка, уложены были камни совсем не так, как укладывали они. Отвалил Мишка камни у входа в расщелину и увидел – пусто. Нет пулемета, нет и коробки с остатками лент. А на том месте, где прятали они пулемет, прижат к камню клочок бумаги, и на этом клочке крупными неровными буквами написано: «Спасибо, ребята!»

*****

ПОБЕГ

Через грязное оконце в тюремную камеру робко пробивался розовый рассвет.

Иван Махетов, молодой парень лет двадцати, повернулся на бок, сунул ладонь под лохматую, давно не стриженую голову, но заснуть больше не смог. Лежать на голых нарах было жестко и неудобно. Неотвязные воспоминания лезли в голову.

Вспомнилось ему, как неделю назад пришел в партизанский отряд из поселка связной. Отозвав Ивана в сторону, переминаясь с ноги на ногу, связной сказал:

- Отец у тебя от тифа помер, Ванюша.

Хотел связной сказать еще что-то, но должно быть, понял, что неуместны тут никакие слова утешения, и добавил только:

- Как, пойдешь отца хоронить или нет?

Закрывает Иван глаза, ворочается на нарах, и снова и снова вспоминается ему некрашенный сосновый гроб, чужое, высосанное тифом лицо отца и мучительно долгий путь до кладбища.

Когда вернулись они с матерью в пустую холодную избу, подняла мать на Ивана заплаканные глаза, попросила:

- Остайся, сынок, переночуй. Боязно мне одной-то.

Поколебался Иван и остался. Всю ночь, не смыкая глаз, просидела мать у его изголовья. Утром жарко натопила баню, приготовила белье. В горячем банном тумане долго тер Иван мочалкой истосковавшееся за время скитаний по лесам грязное тело. Помывшись, он вышел во двор и с наслаждением подставил лицо теплomu весеннему ветру. Тут и увидел он в огороде белогвардейских солдат. Не иначе как донес кто-нибудь белым про Ивана.

Некогда было больше мешкать. Птицей перелетел Махетов через один забор, другой, третий и притаился в пустой, нежилой избе с заколоченными крест-накрест окнами.

Солдаты искали его долго. Уже к полудню добрались до избы, в которой Иван прятался. Затапали по крыльцу солдатские сапоги, визгливо заскрипела дверь на ржавых петлях.

Лежал в это время Иван в печи, скорчившись в три погибели, придерживал изнутри заслонку и старался не дышать, не двигаться. Слышал он, как ходили солдаты по пустой избе, громко ругались, переговаривались. Скрипели половицы под их ногами.

Остановился один солдат возле печи, сказал с досадой:

- Нету и тут его. Убежал, должно быть, ребята.

- Да не мог он убежать. Мы же и с улицы, и с переулка оцепили. Не птица ведь! По воздуху не улетит, - сказал другой. – Ты в печку заглянул?

Похолодел Иван, когда услышал эти слова, сжался весь. Но уже рванули в сторону печную заслонку.

- Вот он куда спрятался, голубчик! А ну, вылазь! – зазвенел в избе возглас.

Избитого и окровавленного волокли солдаты Ивана по улице. Мать его бежала следом в беспомощности. Непослушные ноги ее скользили по грязи. Она спотыкалась, причитала и голосила на всю улицу. Платок сполз на плечи, волосы растрепались.

Офицер толкал ее: «Отстань, баба, отстань!»

Мать хватала его за край шинели, валилась в ноги, просила отпустить сына. Офицер ударил ее наганом по голове и она упала в жидкую грязь...

Вспомнил про это Иван и застонал, заскрипел зубами. Лежавший бок о бок с ним на нарах Михаил Шекунов, арестованный по доносу предателя, спросил шепотом:

- Не спишь, Ванюшка?

- Не спится, Миша.

- Мне тоже.

Лежали на нарах еще двое арестованных: старик Алаторцев и совсем молодой парнишка Степан Костин.

- Красные ужу, наверное, к Уфе подходят, - сказал тихо Шекунов. – Как думаешь, Ванюшка, скоро у нас будут?

- Наверное, скоро... Дожить бы, своих повидать.

По коридору протопали размеренные неторопливые шаги. Махетов приподнял голову, прислушался. Кто-то возился возле двери, вставляя в замочную скважину ключ. С пронзительным царапающим визгом дверь отворилась. На пороге появился офицер с лихо закрученными кверху рыжеватыми усами. Стоя в дверях, придерживая рукою шашку, он скользнул пьяными глазами по лицам арестованных.

- Собирайся и выходи! Живо!

Все четверо слезли с нар, поеживаясь от холодной сырости камеры.

- Куда нас? На допрос, что ли? – спросил Иван.

Офицер покосился на Махетова, поиграл темляком шашки и чему-то усмехаясь ответил:

- Приказано доставить этапом в Златоустовскую тюрьму.

И вдруг заорал, свирепо округляя глаза:

- Живей поворачивайтесь! Долго еще будете канителиться?!

Старик Алаторцев засуетился, стал натягивать свое старенькое пальтишко, на котором спал. Иван нахлобучил на голову фуражку, вышел за Шекуновым на тюремный двор. За оградой в ветвях высоких тополей с криком суетились галки. Воздух был пьяняще свеж и прохладен.

- Шагом марш! – послышалась команда.

Зашагали все четверо, шатаясь, как пьяные, от дурманящего весеннего воздуха. – Иван с Михаилом впереди, Алаторцев с Костиным сзади. Впереди и по бокам – конвойные с винтовками наперевес.

Раннее майское утро едва начиналось, но солнце, поднявшись из-за далеких гор, уже пригревало пустынную улицу.

Повстречалась в переулке девушка с ведрами на коромысле. Прижавшись к забору, робко вскинула глаза на распухшие от побоев лица арестованных и застыла на месте, испуганно приоткрыв рот.

По команде офицера солдаты свернули к пруду. Вода недвижно застыла в крутых берегах, и покрытые лесом горы отражались в ней отчетливо, как в зеркале. У берегов местами еще лежал лед. Грязный, изъеденный солнцем, он доживал последние часы.

По деревянному мосту и земляной дамбе прошагали солдаты с арестантами на другой берег пруда и стали подниматься в гору по лесной дороге. Оглянувшись Иван Махетов назад, увидел вдалеке в утренней дымке поселок. Лепились деревянные домишки по косогору над прудом, нестройным табуном сбегали к воде, словно хотели напиться. И опять вспомнилась Ивану мать, бледная, растрепанная, с худыми трясущимися руками, какой видел ее в последний раз.

Застучал на высокой сосне дятел. Чуть слышно звякнула вдалеке железным колоколом стреноженная лошадь. Потянул слабый ветерок, и сразу сильнее запахло в лесу душистой сосновой смолой, влажной землей и талым снегом. Празднично зеленела хвоя на фоне голубого неба, белели в стороне от дороги подснежники.

На развилке дорог Иван замешкался. Хотел свернуть налево, но сейчас же получил удар прикладом по спине.

- Куда? – закричал на него офицер.

- Говорили же этапом...

- К теще на блины, - засмеялся офицер, показав крупные желтые зубы.

Переглянулись арестованные, услышав этот смех, и у всех четырех мелькнула страшная догадка.

- Расстреливать ведете? – угрюмо спросил Михаил Шекунов.

Ущипнул офицер тонкий рыжеватый ус свой, насмешливо сощурил глаза, ничего не ответил, только рукой махнул:

- Сворачивай направо!

Отяжелели сразу ноги у Ивана, холодок заходил по спине.

Опять застучал на сосне дятел. Поднял Иван голову, отыскивая дятла в зеленых ветвях, поглядел на небо. И таким удивительным и прекрасным показался ему с детства знакомый сосновый лес, точно увидел он его в первый раз в жизни. «Неужели я больше этого никогда не увижу?» - подумал он, и мысль эта показалась ему такой невероятной и нелепой, что Иван до боли прикусил губу, чтобы удостовериться, что все, что с ним сейчас происходит, не сон, а явь.

Подтолкнул его локтем в бок Михаил Шекунов. Покосился Иван на Шекунова и увидел: показывает тот глазами на заросли шиповника, густо разросшиеся у самой дороги. Переглянулись они оба понимающе, но ускорили шаги конвоиры, оттеснили их от кустов на середину дороги. И опять зашагали они молча вперед.

- Стой!

На широкой поляне, с осени заваленной кучами хвороста, остановились конвойные и кольцом окружили арестованных.

Щелкнул офицер золотым портсигаром, небрежно папиросу в угол рта кинул.

- Ну-с, вот и пришли, - сказал он, закуривая. – Кто желает, может помолиться. Разрешаю.

Прижался Степан Костин к старику Алаторцеву, поднял к нему землисто-серое лицо, точно защиты просил. Трясущейся рукой гладил его старик по голове, другой – светлую свою бородку теребил.

- Что, все безбожники? Похвально, похвально! Как и следует большевикам. – Оскалился офицер в лошадиной усмешке, поиграв портсигаром, что-то сказал солдатам. Те засмеялись.

Краем глаза покосился Михаил Шекунов на солдат, на офицера, на Ивана глянул. Лихорадочным блеском горели глаза Шекунова. Указывали они Ивану на молодой соснячок у опушки леса, на кучу хвороста, которая была между Иваном и ближайшим солдатом. Понял Иван этот взгляд. Понял и другое: терять нечего. Шагнул Иван к солдату, который стоял, опершись на винтовку, и к офицеру повернулся:

- Разрешите хоть покурить перед смертью.

- Кури, - равнодушно прозвучало в ответ. – Только недолго.

Вынул Иван не спеша кисет из кармана, свернул папиросу, потянулся к солдату за огоньком и вдруг наотмашь ударив его в лицо, кошкой прыгнул из оцепления и бросился бежать к лесу.

Растерялись и опешили конвойные. Офицер первым опомнился. Подскочил он к одному из солдат, выхватил у него винтовку, рывком к плечу бросил. И не добежать бы Ивану даже до кучи хвороста, не то что до лесу. Сразила бы его винтовочная пуля. Но ястребом кинулся на офицера сзади Михаил Шекунов, сбил его с ног и, вцепившись пальцами в жилистую шею, придавил к земле.

- Ванюшка, беги! Беги! – услышал Иван за спиной отчаянный крик, и крик этот подхлестнул его. В две секунды прыжками добежал он до деревьев и исчез в густых зарослях молодого сосняка.

Только тогда вслед беглецу загремели выстрелы. Пули засвистели над его головой, срезая ветки, но ни одна не задела Ивана.

А на лесной поляне солдаты топтали Михаила Шекунова сапогами. Поднялся с земли офицер, погладил шею рукой и выхватил шашку. Ослепительно сверкнула на солнце холодная сталь клинка и опустилась Шекунову на голову.

Всего этого Иван Махетов не видел. Задыхаясь, почти теряя сознание, он бежал по лесу. Ветки больно хлестали его по лицу, цеплялись за одежду. Споткнувшись о камень, Иван упал, до крови рассек ногу, поднялся, побежал снова. И пробежав еще с десятков шагов, обессиленный рухнул в траву.

Ни звука не слышалось в дремотной тишине леса. Но вот издалека расколол эту тишину винтовочный залп. Иван понял, что означал этот залп. Он заставил себя встать и прихрамывая пошел по лесу все дальше и дальше. Впереди между деревьями зачернела наезженная дорога. За дорогой блеснула река. То тут, то там плыли по воде небольшие изъеденные солнцем льдины.

Послышалось мерное цоканье копыт, и на дороге показался конный белогвардейский разъезд. Солдаты шагом проехали мимо, всматриваясь в кусты.

«Ищут меня», - подумал Иван, прижимаясь к земле всем телом. Затих, растаял вдали стук лошадиных подков. Подождал еще немного Иван, перебежал через дорогу и к реке спустился.

Скинув одежду и держа узелок над головой, быстро вошел в ледяную воду. Обожгла вода, судорогой свело тело. Усилием воли Иван подавил дрожь и поплыл. Переплыв реку, оделся, пробежал по берегу, чтобы согреться. Со всех сторон окружали его горы и лес, лес и горы. Далеко отсюда, в лесных чащобах скрывался партизанский отряд, но дорогу к товарищам Иван знал хорошо.

«Эх, Миша, Миша, - подумал Махетов. – Меня спас, а сам погиб». Он поглядел в ту сторону, где все еще чудился ему раскатистый, подхваченный эхом винтовочный залп, вытер кулаком повлажневшие глаза, надвинул поглубже фуражку и быстро пошел через лесные заросли туда, где были его товарищи.

*****

ВАСИЛИЙ ЗУБКОВ

Неспокойно было на сердце у Кирилла Просвинова, командира красногвардейского отряда. Сидел он за столом в маленькой комнатке, подперев рукой курчавую чубатую голову, и внимательно слушал

начальника штаба. Молод был Кирилл Просвиров. Еще и двадцати пяти не исполнилось ему. А в отряде – четыре сотни бойцов, за каждого он в ответе.

Спешил Кирилл с отрядом своим на подмогу, но пришлось утром принять неравный бой с белыми у железнодорожного моста и отойти в горы к селу Тургояк. Село большое, многолюдное. В одной стороны река шумит, с другой – озеро. А по окрестным горам разбежались сосны.

Послушал Кирилл Просвиров, что говорил начальник штаба, и вздохнул незаметно. Докладывал начальник штаба о потерях, понесенных в утреннем бою. Провел рукой Просвиров по небритой щеке, отгоняя тревожные думы, взглянул на пулеметчика Василия Зубкова. Сидел Зубков у порога и ждал, что скажет командир. Встал из-за стола Просвиров, привычным жестом оправил гимнастерку под широким ремнем и подошел к Зубкову.

- Мост через реку возле села знаешь?

- Знаю, товарищ командир.

- Возьмешь своих ребят и с пулеметом ночью – в заставу. Понял?

- Понял.

- Иди, выполняй.

Повернулся Зубков четко, по-военному, шагнул к двери, но Просвиров остановил его.

- Постой!

Остановился в дверях пулеметчик. Положил командир руку ему на плечо и совсем другим голосом, запросто, по-домашнему тихо сказал:

- Я на тебя надеюсь, Вася. Место там, сам знаешь, какое. Только оттуда беляков ждать надо. В случае чего... Понимаешь?

- Понимаю, Кирилл Власович.

- Ну, иди.

Повернулся Зубков. Мелькнула в сенях шинель, скрипнула половица, простучали по ступенькам крыльца тяжелые солдатские сапоги.

Подошел к окну Просвиров, толкнул раму. Потянуло в накуренную избу вечерней прохладой. Видел из окна командир, как прошагал мимо штаба Зубков с пулеметом на плече. За ним – красногвардейцы. Долго смотрел им вслед Просвиров, пока они не скрылись из глаз.

Солнце садилось. Длинные тени легли через улицу. Окна в доме напротив запылали отраженным отблеском заката.

- Идем к бойцам, - сказал Просвиров начальнику штаба, и они вдвоем вышли из избы на улицу.

Ночь. Тишина. Слабо мерцают в июньском небе редкие звезды, точно подмигивают дружески красногвардейцам.

За кустами, огибая гору, течет река. Впереди смутно виднеется деревянный мост. За мостом чернеет гора, и где-то там, за этой горой, притаился враг.

Смотрит Василий Зубков на противоположный берег, заросший кустарником и камышом. Спокойно вроде. Прилег он возле своего пулемета

на влажную от ночной сырости траву, потянул носом илистый запах, который ветерок донес с реки, и сразу вспомнилось ему, как в детстве ходил с ребятами на рыбалку. Так же тихо и спокойно бывало вокруг, так же плескалась в глубоких омутах рыба.

Медленно тянется время. Наваливается на голову тяжелая дремота, а дремать нельзя. Надо зорко следить за берегом. И снова до боли в глазах всматривается Зубков в ночную темноту.

Подполз к нему один из красногвардейцев.

- Покурить бы!

- Нельзя. Потерпи немного. Скоро солнце взойдет.

Коротка июньская ночь. Уже начало светать на востоке, и звезды бледнели и гасли одна за другой.

Еще с полчаса прошло в тишине и молчании. Булькнула у сваи моста крупная рыба. Видно стало, как пошли по воде круги. Тоненько пискнула в кустах пичуга. И опять – тишина.

Но вот – или, может быть, это почудилось Василию – справа от моста долетел из кустов неясный шорох. Приподнялся Зубков над ямкой, в которой спрятал пулемет. На мосту – никого. На другом берегу – тоже. «Почудилось», - успокоился пулеметчик.

Но через мгновение справа – новый шорох и уже отчетливо долетела осторожная поступь шагов. Ближе, ближе, ближе...

В утреннем тумане неясная мелькнула впереди тень, другая, третья. По спине пулеметчика пробежал холодок. Появился враг совсем не оттуда, откуда его ждали.

«Обошли! - молнией пронеслось в голове Василия. – Переправились через реку выше моста и подбираются берегом незаметно».

И в то время, как Зубков думал это, руки его уже сами собою схватились за пулемет и повернули его навстречу врагам.

Видел Василий, как совсем близко, разворачиваясь на бегу в цепь, появлялись из тумана солдаты.

- Ребята! – крикнул Зубков своим красногвардейцам. – По белам гадам огонь!

Видел Василий, как вздрогнул передний, услышав его крик, как выхватил он из ножен шашку и закричал протяжно:

- Ура-а-а!

С ревом устремилась на красногвардейцев белая цепь. Василий поймал в прорезь прицела мушку и нажал спусковой крючок «кольта». Двое солдат, бежавших впереди, точно споткнулись, повалились на траву. Вслед за пулеметом ударил нестройный залп красногвардейских винтовок. Это заставило белых залечь в кустах. Пули засвистели над головой Василия. Белогвардейцы метили в пулеметчика.

По команде офицера они снова поднялись в атаку. И опять Зубков заставил их пулеметным огнем прижаться в земле.

Перестали стрелять солдаты из кустов, но зато откуда-то срава долетело несколько выстрелов, и молодой красногвардеец, лежавший неподалеку от Зубкова, застонал и схватился рукой за грудь.

«Обходят с фланга! – подумал Зубков. – Хотят зайти в спину». Он оглянулся. Вдалеке виднелась опушка небольшого леса. За ним начиналось село. Там, без сомнения, уже слышали, что возле моста идет бой. Значит, надо продержаться еще с полчаса. «Патроны! Патроны надо беречь, - думал Зубков. – А окружить себя не дам».

Он вставил в пулемет новую ленту, снял его с треноги и побежал с ним в сторону леса. Пули свистели вокруг него. Задышавшись от быстрого бега, Зубков упал возле соснового пня, положил пулемет на пенек и снова ударил по наступающим длинной очередью.

«Что же наши? Как Просвилов?» - думал Василий. И вдруг поднялись белогвардейцы и бросились назад к мосту. От опушки леса с дороги летело, нарастая, грозное ура.

Зубков обернулся, и острая радость охватила его. По дороге вихрем летели всадники, а впереди всех на гнедом жеребце, бешено крутя над головой шашкой, скакал Кирилл Просвилов.

Зубков вскочил, махнул всадникам, припал к пулемету и, поймав в прорезь прицела бегущих в панике по мосту белогвардейских солдат, хлестнул по ним длинной очередью из пулемета.

Через минуту бой кончился. Потрепанный белогвардейский батальон, который намеревался захватить красных врасплох, отступил за гору, оставив возле реки убитых и раненых.

Кирилл Просвилов круто осадил взмыленного коня, спрыгнул с седла и бросился к Зубкову.

- Вася, ты жив?

- Живой. Только вот шинельку продырявили. Зашивать придется.

Просвилов порывисто обнял пулеметчика.

- Спасибо, Вася. Я знал: не подведешь.

Улыбнулся командир широкой белозубой улыбкой и, погасив ее, приложил руку к козырьку своей фуражки.

- От имени революционного народа выношу тебе благодарность, пулеметчик Зубков, - торжественно сказал он и крепко пожал Василию Зубкову руку.